

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА И РОССИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА СОЮЗА
НЕФТЕГАЗОПРОМЫШЛЕННИКОВ
РОССИИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ТОРГОВО-
ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ
СТРАТЕГИИ И РАЗВИТИЮ ТЭК

Юрий Константинович
Шафраник

Нынешний мировой кризис довольно ярко осветил главные экономические проблемы планетарного масштаба, причем не только текущие, но и грядущие. Он недвусмысленно намекнул нам, что выход из сложившейся ситуации может быть осуществлен лишь на основе серьезных качественных сдвигов во многих сферах нашей жизнедеятельности. И если мы этого добьемся, то сможем решить в том числе задачи инновационного обновления глобальной энергетики с учетом требований, которые предъявляются к ней мировым сообществом. Остановлюсь на трех основных проблемах. Первая – роль углеводородов в мировом энергетическом балансе; вторая – формирование и трансформации нефтегазового рынка в условиях финансового кризиса и после него; третья – роль России в развитии мировой энергетики.

Итак, роль углеводородов в мировом энергетическом балансе. В настоящее время в мире широко распространено мнение, что эра углеводородов заканчивается. Основывается оно на анализе динамики разработки крупнейших нефтяных и газовых месторождений и динамики их открытия в последние десятилетия. В самом деле, в жизни каждого месторождения мы имеем быстрый рост добычи после начала его разработки, затем выход на «пик» или «полку» и быстрое падение добычи в связи с истощением пластов. Да и динамика среднего размера месторождений, открываемых в мире, сви-

детельствует, что с каждым годом открываются все более мелкие объекты.

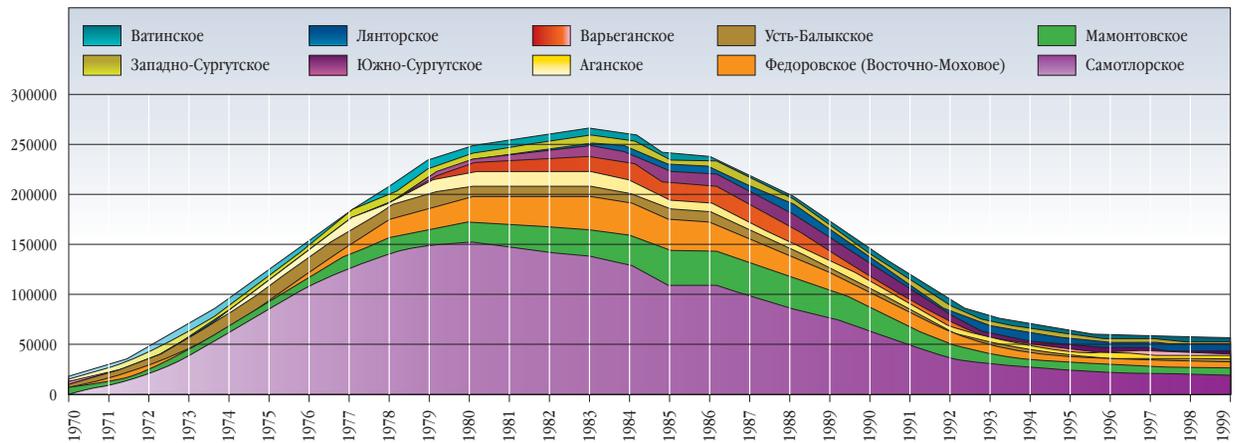
На рисунке 1 показаны как стилизованная картина разработки нефтяных месторождений, так и конкретные примеры, связанные с добычей нефти на крупнейших месторождениях Тюменской области (России).

Из подобных примеров делается вывод о том, что вскоре основные нефтегазовые ресурсы будут исчерпаны, что пик добычи нефти в мире наступит в ближайшие годы, а потом мир окажется на пороге всеобщего жесточайшего нефтегазового дефицита. Однако, на наш взгляд, это в корне ошибочный вывод. Во-первых, не совсем корректно переносить выводы, полученные в результате анализа отдельных месторождений, на отрасль в целом. Во-вторых, в последние годы, даже десятилетия, объем разведанных запасов углеводородного сырья (особенно нефти и газа) рос быстрее темпов добычи.

Более того, осмелюсь сделать вывод, что физические запасы углеводородного сырья на планете достаточны на ближайшее столетие при сегодняшнем уровне потребления. Мы еще очень плохо знаем нашу планету, закономерности возникновения и распределения тех или иных элементов и их соединений в ее недрах. Но даже те знания, которыми мы обладаем, говорят о наличии значительных ресурсов нефти и газа в глубоких горизонтах уже открытых нефтегазоносных провинций на суше, а также на участках глубоководного морского шельфа. При этом мы не говорим о качественно новых видах нетрадиционного нефтегазового сырья, таких как тяжелая нефть, сосредоточенная в битуминозных сланцах и нефтеносных песчаниках, газогидраты, или недавно открытая российскими специалистами матричная нефть, запасы которой значительно превышают содержание кладовых обычной нефти.

Другое дело, что себестоимость добычи нефти и газа является постоянно растущей величиной, не говоря уже о затратах, которые потребуются для освоения новых углеводородных ресурсов.

1

ДИНАМИКА ДОБЫЧИ НЕФТИ НА КРУПНЕЙШИХ МЕСТОРОЖДЕНИЯХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ, ТЫС. ТОНН

Поэтому эпоха «дешевой нефти» действительно закончилась. И эпоха сверхприбыльного нефтяного бизнеса, по нашему мнению, тоже близка к завершению. Поскольку физическое истощение ресурсов нам не грозит, важно воспринимать мировой нефтегазовый рынок именно в связи с финансовыми проблемами, включая перспективную стоимость ресурсов.

Теперь самое время перейти ко второй проблеме, на которой я хотел остановиться, – проблеме формирования и трансформации нефтегазового рынка в условиях финансового кризиса и после него.

В рамках этой проблемы хотел бы затронуть такие вопросы, как:

- современные особенности мирового нефтегазового рынка;
- глобальный экономический кризис;
- новое ценообразование на углеводороды и его основные причины;
- основные тенденции развития мирового нефтегазового рынка.

Еще раз подчеркну, что эпоха «дешевой нефти» и сверхприбыли нефтяных компаний заканчивается, следовательно, мы находимся на пороге существенной трансформации всего нефтегазового бизнеса. Поэтому этот бизнес настойчиво расширяет – и правильно делает – сферу своего применения, стремится более комплексно использовать сырье (и не только углеводородное), интегрируется с предприятиями машиностроения и производящими другую продукцию (и сырьевую, и глубоко переработанную). Примером тому служат такие гиганты мирового энергетического рынка, как BP или Шелл, а также ряд вертикально интегрированных нефтяных компаний России.

Тем самым нефтяные и газовые компании вначале становятся вертикально интегрированными нефтегазовыми компаниями, а затем – глобальными энергетическими структурами, охватывающими своей деятельностью все сферы, связанные с энергообеспечением, практически на всей планете.

Одновременно и параллельно с трансформациями нефтяного бизнеса происходят и трансформации мирового рынка нефти. Особенно они ускорились в текущем десятилетии. Мировой энергетический рынок (особенно нефтегазовый) все в меньшей степени остается товарно-сырьевым, рынком товарной продукции – пусть даже глубокой переработки. В своем развитии рынок неизбежно приобретает сходство с фондовыми и товарными биржами, возникают стратегии управления портфелями энергетических и производных от них контрактов, рынок усложняется и приобретает чисто финансовый характер, во все большей степени становясь частью единого финансово-экономического рынка.

В результате после 2003 года доминирующими на рынке нефти стали финансовые факторы, после чего начался приток на рынок инвесторов и капиталов, не связанных с энергетической сферой.

Таким образом, поскольку энергетический рынок в своем развитии по существу перестал быть энергетическим и стал финансовым, нефть стала своего рода мировой валютой, которая стабилизирует процессы в реальной экономике. Но вместе с тем нефтяной рынок приобрел высокую волатильность, свойственную валютно-финансовым рынкам. Более того, взрывной рост объема открытых фьючерсных контрактов и объема торгов сделал финансовые сделки абсолютно преобладающими, что привело к доминированию на рынке не инвесторов и хеджеров, а спекулятивных игроков.

Переход от товарно-сырьевого рынка к рынку финансово-экономическому привел к тому, что ядром мирового энергетического рынка стал фьючерсный рынок нефти, отличающийся максимальной ликвидностью, сложностью и уровнем организации, играющий ключевую роль в ценообразовании и имеющий макроэкономическое значение.

В 2000-е годы фьючерсный нефтяной рынок стал сегментом единой мировой валютно-финансовой системы. Динамика цен на нефть стала определяться финансовыми ожиданиями и явилась одним из каналов воздей-

1

твия финансового сектора на реальную экономику, что ярко проявилось в ходе мирового финансового кризиса, начавшегося в 2007–2008 годах.

Уже с 2004 года для специалистов, объективно рассматривающих ценовую картину, было очевидным опасное влияние финансово-спекулятивного капитала. Капиталу не нашлось более «достойного применения», и он пошел на покупку товарных ресурсов. И тем самым взвинтил цену на нефть на 50%. О подобном развитии событий предупреждали многие и в России, и в странах ОПЕК. Кстати, руководитель этой организации министр энергетики Алжира Шакиб Хеллиль был особенно настойчив в своих предостережениях.

Однако другого мнения была та часть аналитиков и экспертов, прямыми рекомендациями которых пользуются руководители государств, не исключая Россию. В результате до сентября 2008 года практически все мировое сообщество пребывало в заблуждении относительно причин, влияющих на цену нефти. И неудивительно, что в июле 2008 года на саммите «Восьмерки» в Японии представители наиболее влиятельных стран-потребителей убеждали коллег повлиять на цены, склонив ОПЕК к увеличению добычи черного золота. Грубейшая ошибка, ярко демонстрирующая уровень информированности руководства этих стран и качество «придворной» аналитики.

А уже отмеченная высокая волатильность нефтяного рынка стала одной из угроз глобальной энергетической безопасности, так как оказывает существенное влияние на экономику производителей и потребителей сырья, на инвестирование в нефтегазовый сектор и на всю мировую финансовую систему. Особую актуальность эта проблема приобрела на стадии ценового пика и последующего резкого падения цен в 2008 году в условиях разразившегося мирового кризиса.

Выскажу свой взгляд на причины этого кризиса, который и в средствах массовой информации, и в специализированных изданиях называют глобальным экономическим, или финансово-экономическим, кризисом.

То, что мы наблюдаем сегодня, – это глубокая волатильность мирового рынка, перенасыщенного долларовой массой. Подобного рода ситуации были, есть и будут – достаточно вспомнить события конца 80-х и 90-х годов прошлого века. Меняется степень тяжести болезни, в то время как причины остаются прежними. Это нарушение сбалансированности реальной экономики и финансовой системы; это те глобальные хозяйственные изменения, которые произошли в мире в последние десятилетия с переносом значительной части реального производства в развивающиеся страны и диспаритетом цен на реальные товары и виртуальные услуги; это неконтролируемая эмиссия денег, которая привела к тому, что они перестали играть свою роль в классической схеме рыночного производства «деньги – товар – деньги», а стали существовать самостоятельно по схеме «деньги – деньги», то надуваясь в виде «финансовых пузырей», то периодически лопаюсь, приводя и к экономической рецессии, и к снижению спроса на реальные товары, и сокращая инвестиции в новое производство.

Принципиальная особенность финансово-экономической ситуации 2008 года, в отличие от так называемого азиатского финансового кризиса 1998 года, в том, что тот кризис проходил на фоне сравнительно низких цен на нефть, а нынешний обусловлен перенасыщением рынка нефтяных фьючерсов. Но как бы ни была тяжела болезнь, она рано или поздно заканчивается – либо временным выздоровлением с сохранением прежних мироотношений, либо их качественным обновлением.

На самом деле то, с чем мы столкнулись несколько месяцев назад, – это еще не кризис, а генеральная репетиция экономического упадка, который ждет нас всех в не столь отдаленном будущем. Истинным кризисом в условиях современной цивилизации следует считать ситуацию, выход из которой требует «революционного» финансового и технологического обновления мировых экономических отношений, если хотите, обновления миропорядка. Ничего подобного завтра не предвидится, но «послезавтра» подобная ситуация ста-

2

нет неизбежной и естественной. Это прежде всего необходимость нахождения нового баланса между реальной экономикой и финансовой системой. Но хватит ли у лидеров «G20» сил и решимости сделать эту работу?

Это построение новой, справедливой, экономики, учитывающей интересы не только развитых стран, но и остального населения планеты. Но хватит ли времени провести реструктуризацию экономики раньше, чем грянет действительно глобальный экономический кризис?

Конечно, существует и более удобная позиция – надеяться на чудо и ждать, что все со временем, как говорится, устаканится само собой. Ибо, как писал в свое время Макиавелли, «надо помнить, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые».

Поэтому все в конечном итоге будет зависеть от нас всех: если мы опять будем лечить наши экономические недуги с помощью рецептов монетарной системы, с помощью традиционных финансовых технологий (только накачивая рынок деньгами), то ни о каком качественном обновлении рынка – в том числе энергетического – не может быть и речи.

И в этом случае уже после 2012–2013 годов, поскольку нет значимых перемен в монетарной и технологической политике, мир может столкнуться с более серьезным кризисным явлением, выйти из которого не получится за полгода. Потребуется 3 года, а то и 5–7 лет, причем с обязательным изменением мировой монетарной и технологической системы. И энергетика будущего (ближе к 2030 году) потребует больших перемен, в том числе нового уровня управления отраслью.

Намеренно повторюсь: нам всем нужно серьезнее отнестись к тому, что, если ничего не делать или делать неправильно, нас ожидает впереди настоящий кризис, провозвестником которого является сегодняшнее состояние мировой экономики.

Теперь несколько слов по вопросу ценообразования на нефть в новых условиях. В классической рыночной экономике уровень цен на продукт определяется

3

соотношением спроса и предложения. В соответствии с этим принципом в последней трети прошлого века динамику цен на нефть определяли ОПЕК, как сообщество производителей и экспортеров продукта, и основные страны – импортеры нефти.

Однако после 2000 года влияние этой организации на рынке резко падает. По всем нашим прогнозам, совпадающим с выводом Международного энергетического агентства и аналитиков самого картеля, доля физических поставок нефти из стран, входящих в ОПЕК, увеличится к 2030 году с нынешних 40 до 70%, но при этом участие ОПЕК в формировании структуры цен уменьшится. Почему?

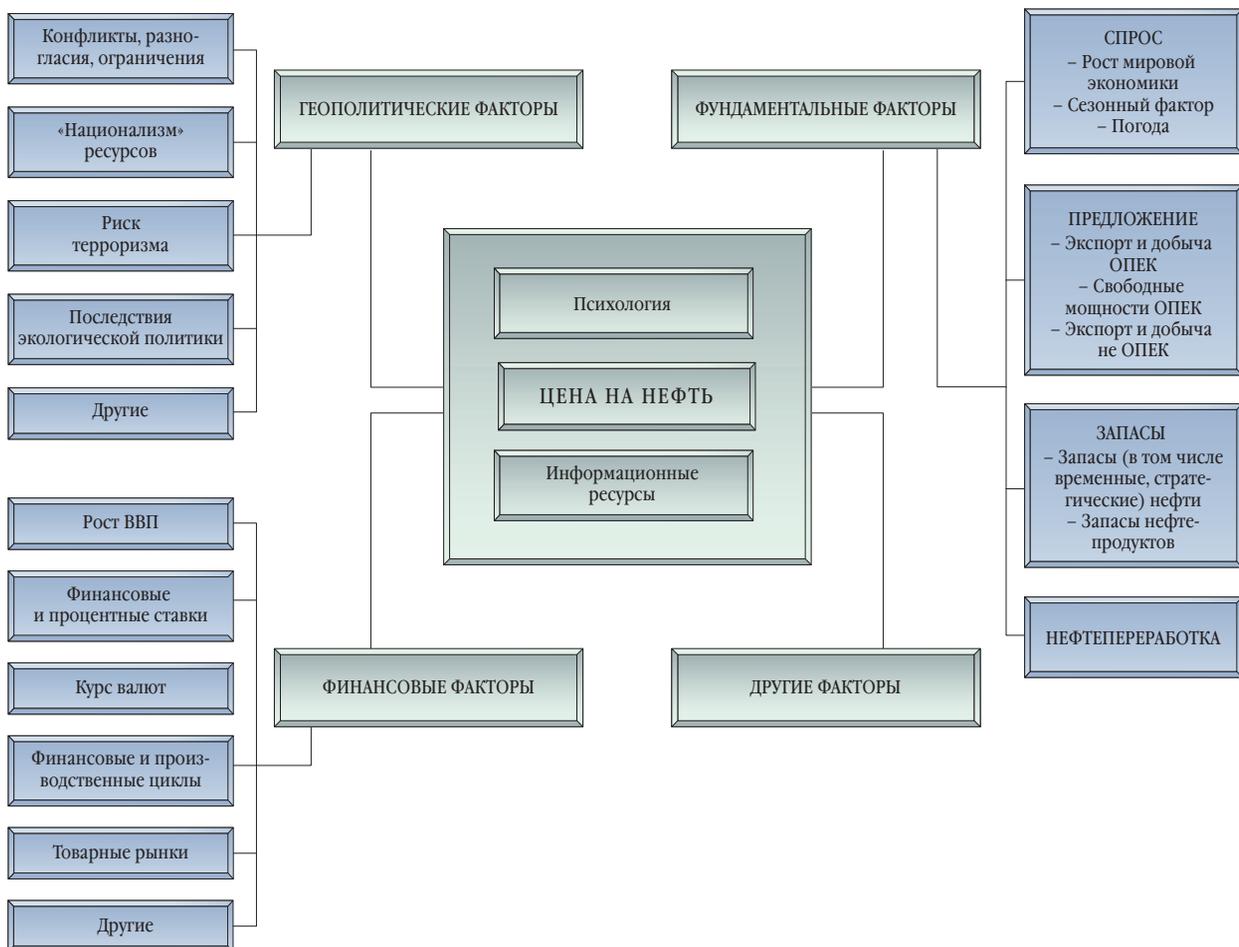
Потому что рынок нефти стал преимущественно финансово-экономическим, а нефть из физического товара превратилась в вид финансового актива, потому что конъюнктура цен в данном случае – это не только фактор спроса и предложения, но и фактор самой цены. А цена определяется не только соотношением спроса и предложения, но и переливом капитала из одного сегмента финансового рынка в другой (с валютного на фьючерсный и т.д.).

Подобной трансформации содействовали различные факторы, основными из которых, на наш взгляд, являются следующие:

- постоянно растущий спрос на энергоносители со стороны новых экономик. Эта тенденция провоцировала вкладывать деньги – надежно и долгосрочно – в нефтяной фьючерсный рынок;
- слабое регулирование форвардных и фьючерсных рынков, деятельности финансовых институтов, в частности пенсионных и хедж-фондов и иных институциональных инвесторов. В частности, было дано разрешение использовать свободные деньги богатых пенсионных фондов США, ряда крупных европейских фондов. Их не пугала текущая волатильность;
- непрекращающаяся и заметно ускорившаяся в 2000-е годы инфляция доллара. Соответственно, рост цен на энергоресурсы стимулируется (подстегивается) этой инфляцией и вызванным ею ростом цен на машины, оборудование и ма-

2

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОМИНИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ

териалы, необходимые для функционирования ТЭК. Причем отрасли ТЭК, как более капиталоемкие, инерционные, с большим сроком окупаемости, вынужденно закладывают (насколько это позволяют им другие участники рынка) в текущие цены на энергоресурсы как существующую, так и будущую инфляцию.

Тем самым произошла интеграция фьючерсного рынка нефти с финансовыми и валютными рынками. А поскольку деньги – ресурс весьма динамичный по сравнению с движением товарного потока, количество фьючерсных сделок невероятно возросло. Именно этот перелив капитала создал ситуацию, когда цена на нефть зависит не от спроса и предложения, не от природных катаклизмов или от ведущейся подготовки к военным действиям. Данные факторы, конечно, влияли на цену, но незначительно. А вот маржа от разницы между ценой и реальной стоимостью продукта, получаемая на фьючерсном рынке, заметно прибавила в весе. Если в начале 2000-х годов она составляла 30–40%, то в 2007–2008 годах достигла 75% благодаря, подчеркну, переливам свободного капитала.

Одновременно нефтяной рынок стал глобальным в той же степени, что и финансовые рынки, и теперь подвергается воздействию всего комплекса политичес-

ких и экономических факторов, действующих в мире. В результате фундаментальные факторы ценообразования перестают играть самостоятельную роль и существенны только с точки зрения изменения инвестиционных ожиданий.

Наиболее показательным в этом отношении является тот факт, что рост нефтяных цен шел на фоне роста складских запасов нефти в странах ОЭСР, и прежде всего в США. В 2005–2008 годах быстрый рост нефтяных цен происходил на фоне рекордно высоких значений складских запасов (670–710 млн. баррелей по сравнению с 570 млн. баррелей в 1990–2004 годах). Однако во второй половине 2008 года связь начала восстанавливаться.

И хотя фундаментальные факторы ценообразования перестают играть самостоятельную роль и существенны только с точки зрения изменения инвестиционных ожиданий, они остаются базой для спекулятивных игр, определяют коридор устойчивых цен на нефть и наиболее общие тенденции развития рынка.

Но поскольку по объему средств валютный рынок приблизительно в 100 раз больше, чем фьючерсный нефтяной рынок, то даже небольшой (по меркам валютного рынка) переток капитала с валютного рынка на нефтяной при падении доллара приводит к переполнению последнего и резким колебаниям цен при

3

ПРОГНОЗ МИРОВЫХ ЦЕН НА НЕФТЬ, BRENT (ДОЛЛАРОВ ЗА БАРРЕЛЬ), ПРИВЕДЕННЫХ К 2008 ГОДУ

относительно плавном изменении реального спроса на нефть.

Ранее отмечалось, что ОПЕК в XXI веке потеряла контроль над ценами на нефть. Тем самым был потерян один из ключевых регуляторов мировых экономических процессов, что означает еще один шаг к кризису всей существующей мировой валютно-финансовой системы. При этом динамика спроса на нефть и ее складских запасов также весьма слабо воздействует на цены, поэтому и страны-импортеры утратили значительную часть рычагов управления рынком.

Мировой финансовый кризис, обусловленный перепроизводством денег, естественно, вызвал переток капитала (не обеспеченного реальным товарным производством) из «фьючерсной зоны» в более устойчивые ниши – казначейские облигации, инвестиционно привлекательный бизнес и даже на всякий случай в наличность. Но сегодня, когда паника на финансовых рынках несколько поутихла, эти деньги (которые никуда не делись, а только приросли, причем их поток становится невообразимым и неконтролируемым – особенно с появлением электронных денег) снова идут на нефтяной фьючерсный рынок. Ведь спрос на нефть был, есть и будет. Конкретная экономическая ситуация в мире способна на него повлиять, но не способна его отменить.

Поэтому прогнозирование ценообразования на нефть стало на порядок сложнее, а динамика цен все в большей мере будет определяться движением (переливом) свободного капитала. Причем характер воздействия на этот процесс доминирующих факторов меняется во времени и в зависимости от соотношения нефтяных цен и состояния финансовой системы происходит их чередование. Схематически эти процессы показаны на рисунке 2. Изменение ведущих факторов и взаимосвязи показателей происходит, как правило, в ходе кризисов и вызывает перелом сложившихся тенденций. Поэтому в ближайшем будущем можно ожидать формирование нового соотношения факторов, определяющих динамику мирового нефтяного рынка, отличного от существовавшего в период ценового бума середины 2000-х годов.

По нашим оценкам, уже к концу 2009 года цена может колебаться в пределах 70–80 долларов за баррель (рис. 3). Правда, и Международное энергетическое агентство ожидает всплеска цен, но, в отличие от нас, по причине дефицита инвестиций и, как следствие, снижения объемов добычи в странах – членах ОПЕК. То есть опять делается попытка опереться на фактор спроса-предложения. Мы же видим причину в другом – в том, что свободный капитал при смягчении кризисной ситуации в первую очередь возвращается на долгосрочные, надежные сырьевые рынки, то есть вливается в финансовый сегмент, связанный с сырьевыми товарами.

Одновременно и параллельно с трансформациями нефтяного бизнеса происходят и трансформации мирового нефтегазового рынка. Эти трансформации происходят под воздействием на первый взгляд взаимоисключающих, а на самом деле взаимосвязанных факторов – глобализации и регионализации (или сегментации) экономических процессов, и простираются в трех направлениях – пространственном, инновационном и институциональном.

Глобализация обеспечивает отход от привычного деления рынка на нефтяной и газовый. Вдобавок он будет стремиться к универсализации, к предложению комплексного энергетического продукта, то есть нефтегазовый рынок трансформируется в комплексный энергетический рынок.

Глобализация мировых энергетических рынков является закономерным этапом их эволюционного развития. Конечной целью развития энергетических рынков является формирование глобального энергетического пространства с едиными правилами игры. И кто эти правила установит, тому легче будет и играть. Поэтому уже сейчас, за многие годы до того, как такое пространство будет сформировано, идет борьба за будущие ключевые позиции на нем.

Одновременно происходит и глобализация энергетических ресурсов, которая проявляется прежде всего в возможности доступа к ним транснациональных корпораций, в возможности использования их в интересах не страны происхождения, а третьих государств.

4

С другой стороны, налицо сегментация этого рынка с выделением североамериканской, европейской и азиатской составляющих, поскольку излишне протяженные транспортные маршруты (казалось бы, отвечающие тенденции экономической глобализации) снижают уровень собственной безопасности и ведут к удорожанию продукции. Поэтому поставки сырья стремятся осуществлять из близлежащих регионов, как это делают Соединенные Штаты Америки, ориентируясь на Мексику и Канаду, а не на Ближний Восток. Европа, в свою очередь, ориентируется именно на Ближний Восток и Россию, а азиатские страны – на Центральную Азию, Ближний Восток, Австралию и других поставщиков из Тихоокеанского региона.

В целом становится очевидным, что процессы глобализации и сегментации рынка нельзя считать несовместимо разнонаправленными. Скорее их динамику можно назвать и параллельной, и встречной, и интегрированной. В этом обстоятельстве мы видим одну из главных основ успешного развития мирового энергетического рынка. Он будет единым и в то же время исключительно разнообразным.

Трансформации нефтегазового рынка в пространственном направлении связаны с усилением дифференциации между регионами-производителями и регионами-потребителями энергоресурсов, с ростом количества стран и регионов, развитие которых не обеспечено собственными энергоресурсами. Так, если в 1990 году такие страны производили 87% мирового ВВП, то в начале XXI века – уже 90%.

Напомню также, что 70%-ная доля Ближнего Востока в поставках нефти на мировой рынок будет активно использоваться странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь Индией и Китаем. Уже сегодня растущий спрос Китая на энергоносители, при 10%-ных темпах развития экономики в I квартале 2009 года, привел к тому, что

поставки из стран ОПЕК, ориентированные на этот регион, сократились значительно меньше, чем поставки нефти из других стран, в том числе не входящих в ОПЕК, ориентированных на Европу, где экономический спад и снижение спроса более существенны. И газовый поток со временем обернется преимущественно в эту сторону. Следовательно, очень значительно увеличится роль международной торговли и энерготранспортных коммуникаций.

Трансформации нефтегазового рынка в инновационном направлении связаны с изменением позиций различных составляющих нефтегазового бизнеса и ростом товарного обмена технологиями и знаниями.

Углеродородное сырье останется основным товаром, но будет принципиально иное отношение к его переработке, значит и к арсеналу нефтеперерабатывающих заводов, предприятий нефтехимии, к объемам производства и торговли основных нефтепродуктов, нефтегазохимической продукции, сжиженного природного газа. Появится обширный рынок знаний.

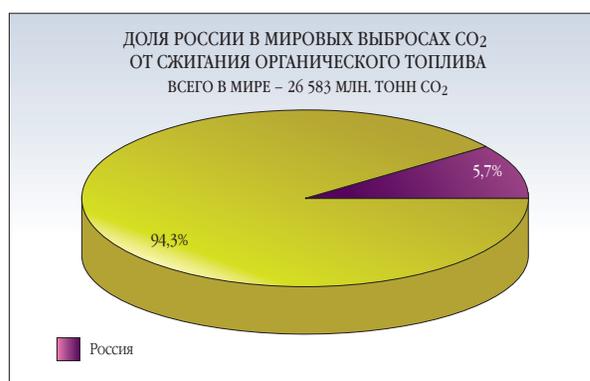
Обеспечение глобальной энергетической безопасности потребует совместной разработки усилиями многих стран целого ряда принципиально новых технологий. Тем самым будет развиваться не только рынок непосредственно технологий и оборудования, но и рынок знаний, рынок кооперационных услуг в их разработке. И этот рынок станет самостоятельным сектором мирового рынка, в том числе и энергетического.

Трансформации нефтегазового рынка в институциональном направлении вызваны усилением процессов взаимопроникновения капитала и собственности между странами – экспортерами и потребителями энергоресурсов, а также ростом значимости глобальных энергетических компаний.

Тем не менее ни нарастание процессов глобализации, ни формирование мирового энергетического рынка

4

О РОЛИ РОССИИ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

не обеспечат в обозримой перспективе качественного изменения существующих различий между странами и регионами в душевом энергопотреблении. Так, по оценкам специалистов МЭА, по крайней мере до 2030 года объем душевого энергопотребления, скажем, в Индии будет существенно ниже, чем в большинстве других государств. Это говорит, в частности, и о том, что необходимо дальнейшее развитие международного сотрудничества в области энергетики, в том числе и нефтяной и газовой промышленности.

Следует отметить, что национальный фактор становится главенствующим в энергетической политике добывающих стран. А таковым он становится и в связи с тем, что сырьевые ресурсы пусть не стремительно, но уверенно близятся к исчерпанию. И, естественно, растут в цене. Как растут и опасения потребителей попасть в зависимость от производителей. Оптимальный выход из этого положения заключается в осознании равноправной взаимозависимости обеих сторон. Абсолютно верно заметил президент зарегистрированной в США Ассоциации энергетических исследований Даниэль Ергин (Daniel Yergin), что ведущим потребителям необходимо срочно изменить отношение к производителям. Действительно, от колониальных и неоколониальных схем «сотрудничества» пора избавиться навсегда. Пора всем усвоить, что добывающая страна извлекает собственные невосполнимые ресурсы. Даже если у нее осталось запасов на 100 лет – это мизер для ее историческо-

го выживания и тем более грядущего процветания. Она за отпущенный ей природными богатствами срок должна сделать очень многое, чтобы сохраниться и развиваться уже без достатка таковых. (Эта аксиома не первый год находит отражение в экономической политике стран – членов ОПЕК, не очень жалюемых потребителями, которые собственной экономической политикой усиливают ресурсный национализм производителей.)

Далее – о роли России в развитии мировой энергетики.

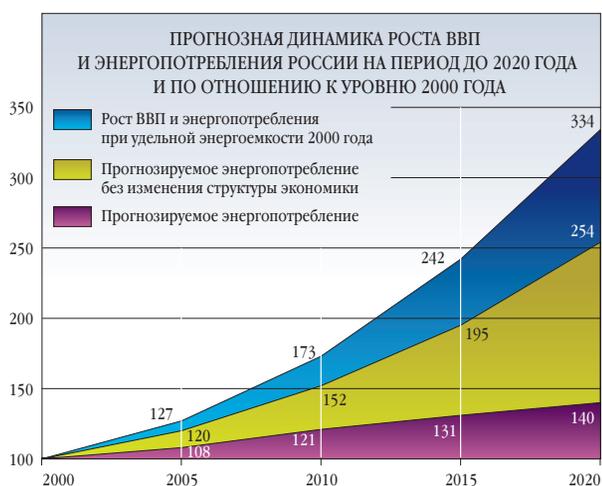
На Западе некоторые политики, бизнесмены и ученые не пытаются осмыслить реальную роль нашей страны в решении сегодняшних и будущих мировых, в том числе энергетических, проблем. Не случайно так схожи, например, предостережения английского премьера Гордона Брауна и американского ученого Маршалла Голдмана (Marshall Goldman), автора книги «Нефтегосударство: Путин, власть и новая Россия» (Petrostate: Putin, Power and the New Russia), выступавшего с ее презентацией год назад.

Лейтмотивом книги служат обвинения в адрес сегодняшнего руководства России, да и самой страны в одержимости энергошантажом, энергопретензиями и энергодиктатом.

Можно согласиться, что в период последних революционных преобразований мы сделали много тактических ошибок. Но мало кто решится отрицать, что стратегический курс на сближение с мировой экономикой, взятый Россией еще в начале 90-х годов прошлого ве-

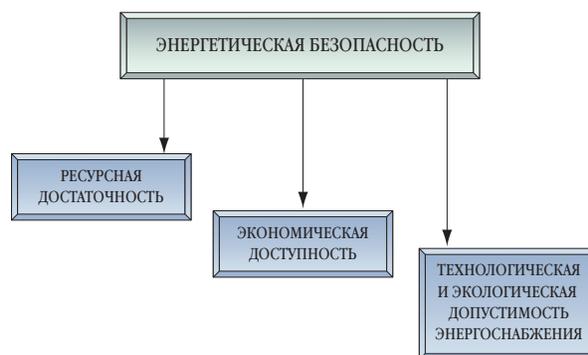

5

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА – РЕКОМЕНДУЕМЫЙ ВАРИАНТ РАЗВИТИЯ

ПЕРВОСТЕПЕННАЯ ЗАДАЧА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ – ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАНЫ

ка, остается неизменным в своей основе. Да, этот курс приходится корректировать. За полтора десятилетия мы убедились в том, что интеграция – по отношению к России – нередко воспринималась в Европе как способ приобретения экономических преимуществ в одностороннем порядке. Но когда мы стали содействовать интеграции более рационально и профессионально, тогда-то и возникло активное противодействие нашей экономической политике, наиболее ярко выраженное, пожалуй, в книге М. Голдмана.

Так что же такое «энергетическая Россия» сегодня?

По обеспеченности природными ресурсами углеводородного сырья – нефти, газового конденсата и природного газа – Россия занимает одно из ведущих мест в мире.

На рисунке 4 приведены основные показатели, характеризующие вклад нашей страны в мировое производство и потребление топливно-энергетических ресурсов. Скажу только, что Россия занимает 1-е место в мире по добыче, запасам и экспорту газа, добыче нефти и экспорту нефтепродуктов; 2-е место по экспорту нефти и запасам угля; 3-е место по экспорту угля и по суммарному энергопотреблению.

Огромный ресурсный потенциал, являющийся бесценным национальным достоянием России, и созданный трудом нескольких поколений уникальный производственный, научно-технический и кадровый потенциал топливно-энергетического комплекса обеспечили ему роль важнейшей составной части национальной экономики страны и основы ее энергетической безопасности.

При разумном освоении ресурсного потенциала Россия может не только полностью обеспечить свои потребности в энергоресурсах на многие и многие десятилетия, но и выступать гарантом энергетической безопасности тех стран, которые сотрудничают с нами в этой области.

Душевое энергопотребление в России уверенно растет и будет расти в обозримой перспективе. Так, по сравнению с 2000 годом эта величина выросла в 2008

году на 14%, а к 2030 году вырастет еще на 45%, при том что энергоёмкость ВВП неуклонно снижается и сократится за предстоящие 20 лет вдвое.

Первостепенная задача энергетической политики России, заявленная в Энергетической стратегии страны на период до 2020 года, – обеспечение энергетической безопасности и эффективности национальной экономики.

Говоря об энергетической безопасности, мы подразумеваем триаду: ресурсная достаточность, экономическая доступность и технологическая (и экологическая) допустимость энергоснабжения (рис. 5).

Обеспеченность запасами нефти и газа в России высокая – от 30 до 80 лет, что достаточно для растущего внутреннего потребления ТЭР и для разумного объема экспорта.

Внутренние цены на нефтепродукты росли в 2008 году ниже темпов роста инфляции, а на сырую нефть даже снижались. Рост цен на газ определялся общей задачей – выйти на уровень сбалансированности внутренних и экспортных цен.

Технологическая допустимость определяется не только развитием новых мощностей по добыче, производству и переработке, но и развитием диверсификации видов энергии и транспортных инфраструктурных коммуникаций внутри страны и в экспортном направлении.

Так, в 2008 году началось активное освоение Тимано-Печорской нефтегазовой провинции, где годовая добыча нефти превысила 25 млн. тонн. Развернута добыча нефти на шельфе Сахалина. Там же введен в действие первый в России завод по производству СПГ.

Развернуто строительство новых магистральных нефтепроводов, обеспечивающих поставки российской нефти на мировой рынок. Основные из них – Балтийская трубопроводная система мощностью 65 млн. тонн и магистральный нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан мощностью 80 млн. тонн нефти в год. ВСТО строится для транспортировки нефти на

6

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

перспективный рынок Азиатско-Тихоокеанского региона. Реализация проекта будет осуществлена в два этапа. На первом предусматривается строительство участка нефтепровода Тайшет (Иркутская область) – Сквородино протяженностью 2,4 тыс. км и сооружение нефтеналивного терминала на побережье Тихого океана мощностью 30 млн. тонн нефти в год. От Сквородино до Тихого океана нефть планируется перевозить по железной дороге. На втором этапе предполагается строительство участка нефтепровода Сквородино – побережье Тихого океана и увеличение мощности морского терминала. Этой весной от Сквородино начато строительство отвода до границы с Китаем протяженностью 67 км. Его планируемая мощность на первом этапе – 15 млн. тонн (на втором – еще 15 млн. тонн). Далее нефть по трубопроводу протяженностью 960 км будет поступать от российско-китайской границы до китайского города Дацин.

Россия будет продолжать и строительство нефтепровода Бургас – Александруполис, по которому российская и казахстанская нефть, минуя проливы Босфор и Дарданеллы, будет поступать потребителям из стран Средиземноморья и в США.

Россия является крупнейшим в мире экспортером природного газа, основным рынком которого являются страны Центральной, Восточной и Западной Европы. Поставки газа на этот рынок осуществляются по трубопроводам из Единой системы газоснабжения России.

В настоящее время в целях повышения надежности газоснабжения европейских потребителей и снижения зависимости поставок от стран-транзитеров ведется подготовка к строительству двух новых газотранспортных систем – «Северный поток» и «Южный поток».

В целях газоснабжения российских потребителей в восточной части страны и диверсификации экспортных поставок начата реализация так называемой Восточной газовой программы. Эта программа имеет под собой солидную ресурсную базу: на востоке страны сосредоточено свыше 27% всех начальных суммарных ресурсов газа России – более 67 трлн. куб. м.

Ожидаемые к 2030 году результаты реализации Восточной газовой программы:

- добыча газа – более 200 млрд. куб. м год;
- экспорт газа – 55–78 млрд. куб. м год;
- производство нефте- и газохимической продукции – 13,6 млн. тонн в год.

Скажу только, что при соответствующих экономических условиях эти ресурсы позволяют в долгосрочной перспективе сформировать в России 4 новых крупных газодобывающих центра – Сахалинский, Якутский, Иркутский и Красноярский, которые к 2030 году смогут обеспечить добычу газа свыше 200 млрд. куб. м в год. Со временем эти центры будут связаны единой газотранспортной системой, которая, в свою очередь, станет составной частью как Единой системы газоснабжения России, так и формируемой к середине XXI века Единой евроазиатской газопроводной системы. Последняя будет дополнена новыми маршрутами экспортных поставок российского СПГ, что еще больше повысит стабильность перспективного энергообеспечения Евроазиатского континента.

Большое внимание в нашей стране уделяется разведке и освоению ресурсов шельфа. В частности, нашей крупнейшей компанией – ОАО «Газпром» реализуется Программа освоения ресурсов углеводородов на шельфе Российской Федерации до 2030 года. Основными районами работ по этой программе являются акватории арктического шельфа. Реализация указанной программы обеспечит прирост запасов газа к 2030 году в объеме 14,1 трлн. куб. м, в том числе на шельфе Карского моря – 10,1 трлн. куб. м и Баренцева моря – 2,9 трлн. куб. м. Кроме того, на шельфах России планируется подготовить к 2030 году 541 млн. тонн запасов нефти.

Главной ресурсной базой и основным центром добычи газа на обозримую перспективу и для «Газпрома», и для России в целом остается Западная Сибирь, а именно – Надым-Пур-Тазовский район и в перспективе – полуостров Ямал. Именно месторождения полуострова Ямал являются стратегической сырьевой базой для обеспечения перспективных потребностей страны в газе. Разведанные запасы газа здесь – около 11 трлн. куб. м,

возможный годовой объем добычи только на суше – 250 млрд. куб. м.

Первоочередным объектом освоения на Ямале является Бованенковское месторождение, обустройство которого началось в 2007 году. Ежегодный проектный объем добычи газа на Бованенково определен в 115 млрд. куб. м в год. В долгосрочной перспективе проектный объем добычи газа должен увеличиться до 140 млрд. куб. м в год.

Освоение ямальских ресурсов газа потребует сооружения мощной газотранспортной системы с полуострова производительностью более 300 млрд. куб. м в год. Новая система газопроводов, при строительстве которой будут применяться передовые технические и технологические решения, должна стать ключевым звеном Единой системы газоснабжения России.

Крупнейшим объектом обустройства в Баренцевом море является Штокмановское газоконденсатное месторождение. Первый газ здесь предполагалось получить уже в 2013 году, но в связи с мировым экономическим кризисом начало добычи газа может быть перенесено на 2015 год. А к 2020 году добыча превысит 70 млрд. куб. м в год. Штокмановское месторождение определено ресурсной базой для экспорта российского газа в Европу через строящийся газопровод «Nord Stream». Вслед за Штокмановским начнется освоение и других крупнейших месторождений Арктики, в том числе расположенных на приямальском шельфе. Это обеспечит надежную базу для масштабных поставок сжиженного природного газа на рынки Америки и Европы.

Долгосрочная энергетическая политика в стране определяется Энергетической стратегией России на период до 2020 года, утвержденной Правительством РФ в августе 2003 года. Энергетическая стратегия – основной документ, содержащий систему научно обоснованных утверждений о приоритетах долгосрочной энергетической политики государства и механизмах ее реализации. Она определяет приоритеты, направленность и средства структурной, региональной, научно-технической и экологической политики в энергообеспечении страны.

В настоящее время при самом активном участии Института энергетической стратегии ведется разработка новой редакции Энергетической стратегии, уже на период до 2030 года.

В соответствии с предварительными прогнозами, выполненными в рамках этой работы, к 2030 году объем добычи нефти в России должен составить 500–520 млн. тонн (при 488 млн. тонн в 2008 году), а природного газа – 880–900 млрд. куб. м (при 665 млрд. куб. м в 2008 году) (рис. 6). Естественно, что при падающей добыче на действующих месторождениях необходимо осваивать новые регионы, что потребует значительных объемов инвестиций – порядка 1,5 трлн. долларов (в ценах 2007 года) за период 2009–2030 годов. Еще 250 млрд. долларов будет израсходовано на энергосбережение и столько же – на возобновляемые и автономные источники энергии.

Для реализации этих прогнозов нам необходимо формирование модели конструктивного сотрудничества

с зарубежными инвесторами и партнерами. Нам нужны не льготные кредиты из-за рубежа, а прямые иностранные инвестиции для освоения новых районов и реализации новых проектов (в том числе и с повышенным риском). По такому пути сейчас развиваются наши отношения с Китаем.

Реализация наших прогнозов позволит России не только оставаться крупнейшим в мире экспортером энергоресурсов, но и значительно повысить надежность экспортных поставок, выйти на новые рынки.

Следует отметить, что Россия в силу своего географического положения и ресурсного состояния не стремится примкнуть к какому-либо экономическому блоку – ОПЕК или «газовой ОПЕК», блоку стран-потребителей или стран-транзитеров. Мы в равной степени открыты для сотрудничества как с членами ОЭСР и ЕС или ШОС, так и со всеми странами, входящими в другие экономические объединения типа БРИК, и выстраиваем отношения с ними только на деловой конструктивной основе.

Не пренебрегая мнением наших критиков, полагаю, что главный энергетический вызов для России – сугубо внутренний. Перекося в сторону газовой энергетики, запущенность угольной промышленности (отсталость переработки угля в киловатт-часы электроэнергии, архаичность котельного хозяйства) – вот совершенно конкретный вызов. Не менее конкретны и остры другие вопросы: какие уровни потребления энергоресурсов планировать для своего рынка, какими технологиями повышать его эффективность, как регулировать на нем цены? Последние мы стремимся выравнять, учитывая точку зрения зарубежных партнеров. Но пока вступление в ВТО просматривается где-то за горами, а реакция родного населения – всегда налицо. Причем отрицательная. Надо ли нам, не получая текущей выгоды, выводить свои цены и тарифы на мировой уровень? Надо! Нам, повторяю, стратегически нужна интеграция. Но не формальная, а продуманная и согласованная с партнерами в главном: чем и как компенсируются определенные потери России в качестве производителя энергетических ресурсов? Чем полезным это обернется для населения, для технологического и – в целом – экономического развития страны?

Можно ли утверждать, что опасения представителей «мира потребителей» беспочвенны? Конечно, нет! Но беспочвенны их обвинения в адрес России. Чтобы избежать какой-либо конфронтации и строить совместное приемлемое энергетическое будущее, надо, наверное, всем усвоить довольно простые вещи.

1. Безвозвратно меняется характер отношений между производителем и потребителем энергоресурсов, которые многие десятилетия имели колониальный характер. Сегодня эти отношения должны строиться на иной основе, если хотите – на философии совместного выживания. Потому что любых ресурсов, включая воду и воздух, у Земли больше, чем есть сейчас, уже не будет. (Между тем, если, например, Китай и Индия станут в ряд стран традиционной потребительской экономики, то это будет новый серьезный вызов как для России, так и для всего мира. Значит, не-

обходимо уже сейчас думать, как станем вместе решать грядущие проблемы.)

2. Пришло время понимать, что проявляющийся сегодня широкомасштабный «национальный синдром» ресурсов нельзя подогреть агрессивным стремлением потребителя упростить их доступность.

3. Россия десять последних лет наращивала добычу нефти и газа и обеспечивала постоянный рост их экспортных поставок. За что нас не только не поблагодарили, но еще и продолжают обвинять в энергетическом шантаже. (Кстати, если бы мы в эту же десятилетку сокращали добычу и, соответственно, экспорт углеводородов, то логично предположить, что мировые цены на нефть значительно превзошли бы нынешний уровень. Это, возможно, позволило бы нам получать примерно такие же, как сегодня, валютные доходы от экспорта. В чем бы тогда нас обвиняли?) Попутно замечу, что наиболее яркий парадокс отечественного развития состоит в следующем: чем меньше мы добываем нефти, тем больших результатов достигаем в развитии экономики.

4. Россия понимает необходимость собственного участия в свободном рынке и настойчиво стремится к интеграции в мировое сообщество.

5. Россия располагает потенциалом, необходимым для восстановления своего сегмента в мировой экономике, утраченного в 90-е годы прошлого века. (А нам самим, наверное, особенно важно учесть, что с развитием свободной экономики в России

и ее интеграцией в мировую экономику обостряется конкурентная борьба, и мы, как любые конкуренты, едва ли заслужим чью-либо любовь.)

6. Не надо ставить перед Россией миссионерскую задачу «спасать мир» от энергетического голода, безудержно наращивая экспорт углеводородного сырья. Нам его надо беречь и эффективно использовать. За счет природных богатств страна получила немалые финансовые ресурсы. Это не только «подарок», но и огромное испытание: как эти ресурсы правильно использовать на благо народа и государства? Как с их помощью добиться повышения конкурентоспособности страны во всех сферах экономического и общественного развития? В этом, пожалуй, и заключается главный вызов для России.

И главное, в чем я абсолютно убежден: Россия с ее инициативами в формировании будущей мировой энергетической структуры и культуры, будущего привлекательного для всех стран и регионов энергетического мирового порядка не может играть второстепенную роль в судьбе глобальной энергетики. Поэтому не стоит нас рассматривать как антиподов или непримиримых оппонентов потребителей или производителей энергоресурсов. Россия, как и любая страна, занимает на мировой арене особое положение, оставаясь одной из ведущих энергетических держав. Такой она и пребудет благодаря инновационным преобразованиям, инициативной энергетической дипломатии и более тесному всестороннему сотрудничеству со всеми странами мира.